

Цин Е выдохнул облачко пара и топнул ногой. Время близилось к 7:50.

Вскоре, как и ожидалось, появилась фигура Байли Чжання. Улыбка Цин Е, едва возникшая на лице, мгновенно исчезла. Ноги словно вмерзли в землю, и он застыл на месте, не в силах пошевелиться.

Байли Чжань остановил машину неподалеку.

— Доброе утро, — только поздоровался он, как с заднего сиденья выпрыгнул человек.

— Доброе утро, Цин Е, ты и правда рано, — приветливо бросил Байли Сюй, и его настроение, казалось, совсем не зависело от погоды — улыбка оставалась яркой.

Цин Е на мгновение почувствовал, будто горло сжали, дыхание перехватило. Лишь через паузу он выдавил:

— Вы...

Байли Сюй словно знал, о чем он хотел спросить, и перехватил инициативу:

— Да, я сейчас живу у Чжання.

Лицо Цин Е окаменело. Внезапно батат в кармане показался раскаленным, обжигая ладонь. Жжение отдавалось болью в сердце, словно оно онемело. Он развернулся и пошел прочь, не оглядываясь, направляясь к спортплощадке.

— Цин Е кажется немного странным... — заметил Байли Сюй, но тут же увидел, что Чжань не отрывает взгляда от уходящей фигуры, и намеренно добавил:

— Похоже, он ревнует.

Выражение лица Байли Чжання изменилось.

—

Цин Е не появился в классе ни на одном из четырех утренних уроков. Вернулся он только к дневным занятиям, да и то с мрачным лицом, излучая такую враждебность, что никто не смел к нему приблизиться. Почему то, что не удавалось ему, тот парень делал так легко? Ему так хотелось схватить Байли Чжання и потребовать ответа, но он боялся. Спросить — значит лишь выставить себя глупо и доказать свое поражение!

Едва прозвенел школьный звонок, Цин Е собрал рюкзак, чтобы уйти, но Тэнтяо преградил ему путь. Он собирался провести обычную воспитательную беседу, но, увидев, насколько ужасно выглядит Цин Е, ограничился парой фраз и вынужден был его отпустить.

Стоило Цин Е выйти из подъезда учебного корпуса, как он увидел на аллее Байли Чжання и Байли Сюя.

Байли Чжань сказал Байли Сюю, что учитель физики вызывает его к себе и нужно зайти в учительскую, попросив подождать.

Байли Сюй кивнул. Взглянув на удаляющуюся фигуру Байли Чжання, он обернулся и обнаружил, что Цин Е издали смотрит на него.

Цин Е шаг за шагом подошел к Байли Сюю и сквозь стиснутые зубы выдавил:

— Каждый день тут торчишь, любой подумает, что ты его девушка.

Байли Сюй не разозлился, а лишь улыбнулся:

— А ты, Цин Е, раз уж вы с Чжанем просто друзья, не делай лишнего. Ты создаешь ему неудобства.

Цин Е нахмурился:

— Какое тебе дело?

— Мне это не нравится, — в глазах Байли Сюя на мгновение промелькнула холодная искра.

— С какого права ты лезете в наши дела? — глаза Цин Е сузились, в них читалась опасность.

Но Байли Сюй лишь уверенно улыбнулся:

— С такого права есть.

Лицо Цин Е мгновенно стало мрачным, он сделал шаг вперед.

— Кто тебе такой, Чжаню?

— Кто я Чжаню... — Байли Сюй усмехнулся, — тебе, Цин Е, совершенно безразлично. В следующую секунду его воротник был судорожно сжат, и кулак Цин Е уже готов был обрушиться на его лицо.

— Цин Е хочет прибегнуть к насилию? — Байли Сюй не смутился, у него было оружие, чтобы сдержать противника. — Не скажу для тебя новостью — Чжань сейчас больше всего ненавидит все, что связано с насилием.

—

В коридоре, ведущем из учительского здания в холл, Цин Е стоял, то ли случайно, то ли намеренно. Когда Байли Чжань подошел ближе, он поднял голову. Выражение его лица было ужасным, в глазах бушевали эмоции, и он смотрел прямо в лицо Байли Чжаню. Шаг Байли Чжаня чуть замедлился. Он почувствовал, что должен что-то сказать, но, поразмыслив, не нашел слов. В кармане завибрировал телефон. В итоге Байли Чжань молча прошел вперед, но в момент, когда они поравнялись, Цин Е резко схватил его.

— Почему? — сдавленный голос Цин Е раздался у самого уха. — Почему он может, а я нет? Цин Е произнес это, крепко стиснув зубы.

Байли Чжань с удивлением обернулся, но его взгляд приковала серьезность Цин Е и его покрасневшие глаза. Он на мгновение замер. Лишь спустя паузу он произнес:

— Все не так, как ты думаешь.

Но Цин Е уже не мог сдерживать эмоции, яростно оттолкнул его руку и быстро исчез в конце коридора.

Ночь подползла с запада, сначала окутывая свет тусклостью, а затем поглощая его густой

темной. Город сменил облик, став шумным и суетливым.

Ночь — это поле битвы неоновых огней. Ослепительный свет словно факелы зажигает сияние города. Потоки машин — это неутомимые механические звери, без усталости развозящие людей по разным уголкам мегаполиса.

Фигуры Байли Чжэня и Байли Сюя появились у выхода из метро, а затем растворились в толпе.

—

В баре царил атмосфера разгула. Здесь собирались потерявшие надежду люди, чтобы оглушить себя шумом и яркими огнями, запивать пузырящийся алкоголь и на время сбежать от реальности.

Или же можно выбрать более «артистичный» способ выплеснуть чувства —

*

Он не любит, когда я говорю несерьезно

Когда молчу, он слишком внимателен

Я знаю, он не любит меня

Его глаза выдают его сердце

Я вижу насквозь его сердце

И тени других, что остаются в нем...

*

— Заткнись!! — Цин Е словно нажали на больное место, он вскочил и ударил по кнопке смены трека.

Трогательная песня Толстяка оборвалась на полуслове. Он хотел выругаться, но побоялся, лишь про себя проклиная деспота Цин Е. Он пел для своей Мэнци, причем тут Цин Е?

На столике в VIP-комнате уже громоздились семь-восемь пустых банок. Цин Е опустошал одну за другой, а Муму рядом с беспокойством говорил:

— Цин Е, не... не пей больше...

Ли Му вел себя иначе. Лицо его оставалось бесстрастным, но стоило Цин Е допить банку, он тут же открывал следующую. В легкой белой дымке на его холодном лице даже проступала легкая улыбка. Пусть напьется до потери пульса, тогда впечатление о том человеке в его сердце станет еще хуже. Ли Му уже знал, в чем дело. Во многих классах школы у него были свои глаза и уши, которые докладывали обо всем, даже в классе Цин Е, но это знать было нельзя.

Когда алкоголь наполнил желудок до предела, Цин Е с раздражением дернул воротник и встал, но тут же пошатнулся. Муму тут же кинулся его поддерживать, но был оттолкнут.

— Не ходите за мной! Никто не ходите за мной! — крикнул он и, пошатываясь, направился к

выходу из комнаты.

— Это, что за ситуация? — Толстяк наконец отложил свой любимый микрофон и недоуменно спросил. — Так просто отпустить его?

— Пусть идет, — Ли Му выпустил струю дыма. — В любом случае, он либо в зал тхэквондо, либо в боксерский зал.

—

В международном аэропорту района Сихун, в зале ожидания, мелькнули две фигуры.

— Неделя пролетела быстро, — не удержался от вздоха Байли Сюй, в голосе звучала легкая грусть.

Байли Чжань чуть улыбнулся:

— Будем на связи.

— Я приеду к тебе в следующем семестре, хорошо? — вдруг спросил Байли Сюй.

— Ты же в выпускном классе, разве можно брать столько отпусков?

Байли Сюй поднял брови, его лицо выражало полное безразличие:

— Папа уже решил, в какой университет меня отправить, так что буду я стараться или нет — результат один. Затем он, словно о чем-то вспомнив, повернулся к Байли Чжаню:

— Чжань, ты ведь поедешь в Америку? Ты говорил, что хочешь поступить в Гарвард.

Байли Чжань не колебаясь кивнул:

— Я поеду.

Байли Сюй тут же улыбнулся:

— Тогда жду тебя в Америке.

—

Северная улица Сицзяо, благодаря расположению в районе вилл, была оживленнее любой улицы района Сихун. Здесь располагалось множество дорогих баров для развлечения богачей. Ли Му явно недооценил глубину отчаяния Цин Е. Тот не пошел ни в зал тхэквондо, ни в боксерский зал, а стоял на террасе открытого бара, бесцельно потягивая крепкий алкоголь. Гостей здесь было мало, атмосфера была тихой и спокойной. Цин Е обнаружил, что сам не заметил, как перестал любить шумные места. После больших доз рома в желудке началось жжение, голова закружилась и распухла.

У автора есть что сказать:

Цин Е: Уа-уа-уа...

Я: Ха-ха-ха...

<http://bllate.org/book/16889/1565839>